

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

В. А. Белов

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Т. IV. ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

*Допущено Министерством образования и науки
Российской Федерации в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки
и специальности «Юриспруденция»*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва • Юрайт • 2014

УДК 34
ББК 67.404я73
Б43

Автор:

Белов Вадим Анатольевич — доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правооказания юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Рецензенты:

Бевзенко Р. С. — кандидат юридических наук, начальник Управления частного права Высшего Арбитражного Суда РФ, действительный государственный советник юстиции III класса;

Камышанский В. П. — доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Мареев Ю. Л. — кандидат юридических наук, доцент Приволжского филиала Российской академии правосудия;

Тарасенко Ю. А. — кандидат юридических наук, старший юрисконсульт ООО «Традиции качества»;

Хохлов В. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного экономического университета.

Белов, В. А.

Б43 Гражданское право. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. — М. : Издательство Юрайт, 2014. — 1085 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-3696-4 (т. 4)

ISBN 978-5-9916-2257-8

Настоящая книга завершает теоретическую часть авторского учебника по гражданскому праву В. А. Белова. В данном — втором — томе Особенной части (общим счетом — четвертом томе учебника) российского гражданского права изучаются относительные гражданско-правовые формы, т.е. обязательственные, восстановительные и компенсационные правоотношения, правоотношения ожидания, секундарные и корпоративные права.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования четвертого поколения.

Книга предназначена для студентов юридических вузов и факультетов, обучающихся по направлению «Юриспруденция», может быть использована для самообразования лиц, не имеющих юридической специальности (экономистов, финансовых и банковских работников), а также будет полезна всем читателям, интересующимся гражданским правом.

УДК 34
ББК 67.404я73

ISBN 978-5-9916-3696-4 (т. 4)
ISBN 978-5-9916-2257-8

© Белов В. А., 2012
© ООО «Издательство Юрайт», 2014

300-летию со дня рождения
великого ученого-энциклопедиста,
первого русского академика,
основателя Московского университета
Михаила Васильевича Ломоносова
(8/19 ноября 1711 г. – 4/15 апреля 1765 г.)
посвящается

История Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова тесно связана с историей нашего Отечества — развитием русской науки и культуры, философии, формированием русского просветительства. «Родина наша вправе гордиться тем, что история ее новой науки началась именно Ломоносовым. Ломоносовский стиль, характерный исключительной широтой, простотой, глубокой материалистической основой и народностью, отобразился во всех лучших представителях отечественной науки», — писал русский физик, академик С. И. Вавилов. Отблески заслуг и славы величайшего русского мыслителя осеняют всю нашу науку, во главе которой бессменно находится *alma mater* автора настоящего Учебника, оказавшая ему высокую честь находиться под этой сенью, проникаясь мудростью Учителей и делясь приобретенным знанием с Учениками.

Автор смеет надеяться, что настоящий Учебник — скромное приношение памяти «Платона и Невтона» от нашего Отечества — станет одной из тех песчинок, которые, будучи сложенными вместе, образуют традиции российского университетского гражданского правоведения.

Ad majorem hominis gloriam!

Предисловие	7
РАЗДЕЛ XI. ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ	
Глава 36. Общее учение об обязательствах	19
<i>Основная литература</i>	19
§ 1. Понятие и содержание обязательств (п. 938–944)	21
§ 2. Обязательства в системе гражданско-правовых форм (п. 945–948)	40
§ 3. Виды обязательств (п. 949–954)	52
§ 4. Динамика обязательств (п. 955–962)	64
<i>Дополнительная литература</i>	90
Глава 37. Передача вещи	115
<i>Основная литература</i>	115
§ 1. Понятие обязательств по передаче вещи (п. 963–966)	116
§ 2. Содержание обязательств передачи (п. 967–974)	127
§ 3. Основания динамики обязательств по передаче вещи (п. 975–980)	143
§ 4. Особенности исполнения обязательств передачи вещей (п. 981–989)	161
<i>Дополнительная литература</i>	186
1. По обязательствам передачи вещи – товара	186
2. По «обязательствам передачи через присоединенную сеть»	218
3. По обязательствам передачи вещей в пользование	226
4. По обязательствам передачи вещей – предметов работ	240
5. По обязательствам передачи вещей – предметов приложения услуг	247
Глава 38. Уплата денег	257
<i>Основная литература</i>	257
§ 1. Понятие и содержание (п. 990–995)	258
§ 2. Основания динамики (п. 996–999)	271
§ 3. Платеж (п. 1000–1006)	283
§ 4. Общие положения о безналичных расчетах (п. 1007– 1010)	299
§ 5. Отдельные формы безналичных расчетов (п. 1011– 1016)	312
<i>Дополнительная литература</i>	325

Глава 39. Выполнение работ и оказание услуг	367
<i>Основная литература.....</i>	<i>367</i>
§ 1. Общие положения (п. 1017–1025)	368
§ 2. Основания динамики (п. 1026–1029)	391
§ 3. Особенности исполнения (п. 1030–1036).....	400
<i>Дополнительная литература</i>	<i>417</i>
Глава 40. Транспортировка и хранение	443
<i>Основная литература.....</i>	<i>443</i>
§ 1. Обязательства перевозки (п. 1037–1041)	444
§ 2. Вспомогательные обязательства на транспорте (п. 1042–1047).....	461
§ 3. Обязательства хранения или покладаи (п. 1048–1053).....	478
<i>Дополнительная литература</i>	<i>488</i>
Глава 41. Ведение чужих дел.....	515
<i>Основная литература.....</i>	<i>515</i>
§ 1. Обязательства ведения чужих дел: общие положения (п. 1054–1061).....	516
§ 2. Фидуциарное и коммерческое ведение чужих дел (п. 1062–1064).....	535
§ 3. Обязательства управления. Доверительное управление (п. 1065–1068).....	541
§ 4. Особые формы управления чужими активами и делами (п. 1069–1076)	550
<i>Дополнительная литература</i>	<i>559</i>
Раздел XII. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ	
Глава 42. ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ	577
<i>Основная литература</i>	<i>577</i>
§ 1. Понятие и виды охранительных правоотношений (п. 1077–1083)	579
§ 2. Страховые правоотношения (п. 1084–1087).....	596
§ 3. Возмещение внедоговорного вреда и убытков (п. 1088–1095)	603
§ 4. Возмещение договорного вреда и убытков (п. 1096– 1105).....	617
§ 5. Компенсационные правоотношения (п. 1106–1112).....	633
§ 6. Кондикционные правоотношения (п. 1113–1118).....	648
<i>Дополнительная литература</i>	<i>661</i>

1. Охранительные гражданские правоотношения. Гражданско-правовая внедоговорная (деликтная) ответственность (обязательства из причинения (по возмещению) вреда)	661
2. Ответственность за нарушение обязательств (договорная ответственность)	705
3. Страховые правоотношения	755
4. Компенсационные правоотношения	772
Глава 43. Права ожидания удовлетворения	813
<i>Основная литература</i>	813
§ 1. Понятие и виды прав ожидания (п. 1119–1122)	813
§ 2. Гарантийные правоотношения (п. 1123–1130)	823
§ 3. Информационные правоотношения (п. 1131–1135)	839
§ 4. Правовые формы пред- и постдоговорных отношений (п. 1136–1141)	849
<i>Дополнительная литература</i>	865
Глава 44. Права на изменение правового положения (относительные секундарные права)	879
<i>Основная литература</i>	879
§ 1. Понятие и виды относительных секундарных прав (п. 1142–1144)	879
§ 2. Обязывающие секундарные права (п. 1145–1148)	886
§ 3. Преимущественные секундарные права (п. 1149–1154) ..	894
§ 4. Секундарные права негативного (отрицающего) действия (п. 1155–1159)	909
§ 5. Конкретизационные и дефинитивные секундарные права (п. 1160–1163)	921
<i>Дополнительная литература</i>	933
Глава 45. Права участия (корпоративные права)	935
<i>Основная литература</i>	935
§ 1. Понятие корпоративных отношений (п. 1164–1168)	936
§ 2. Содержание, природа и виды корпоративных прав (п. 1169–1173)	947
§ 3. Права участия в делах корпорации (п. 1174–1179)	964
§ 4. Права участия в имуществе корпорации (п. 1180–1185)	980
§ 5. Информационные корпоративные права (п. 1186–1188)	993
§ 6. Правовые формы определения состава членов корпорации (п. 1189–1197)	999
<i>Дополнительная литература</i>	1020
Указатели к четвертому тому гражданского права	1042
<i>Указатель сокращений</i>	1042
<i>Алфавитно-предметный указатель к четвертому тому</i>	1044
<i>Именной указатель к третьему тому</i>	1067
<i>Указатель статей ГК, цитированных и упомянутых в четвертом томе Учебника</i>	1071

Общие замечания. Настоящая книга, освещающая *относительные гражданско-правовые формы*, завершает собой теоретическую часть нашего Учебника (а говоря по совести — переросшего по мере своего написания в Курс) по гражданскому праву¹. Большой объем охваченного ею материала, а также некоторое изменение наших взглядов по вопросу о корпоративных правах привели к переменам в ее структуре, намеченной (как читатель наверняка помнит) еще в первом томе* Учебника; надеемся, что эта перемена не нанесла ущерба содержанию.

* см. п. 46

Первоначально планировалось, что данный том будет разбит на *пять разделов*, сообразно видам изучаемых в нем гражданско-правовых форм — (1) *обязательственным* правам (разд. XI); (2) *восстановительным* (разд. XII) правоотношениям, правам (3) *ожидания* (разд. XIII), (4) *корпоративным* (разд. XIV) и (5) *секундарным* (разд. XV) правам. В итоге, однако, оказалось, что мы несколько недооценили объем тех сведений, который мог бы быть предложен вниманию учащегося по заявленным тематическим рубрикам. Если бы мы попытались выполнить заявленный план и осветить их именно на уровне *разделов* (хотя бы и включающих в себя минимально возможное число глав — по две в каждом), то это привело бы, в лучшем случае, к необходимости издания настоящего тома двумя книгами. И без того уже довольно значительный объем настоящего Курса привел нас к заключению о нежелательности такого шага.

Не оставалось ничего другого, как (с громадным сожалением!) просто тупо сократить объем намеченного к изучению материала. Что получилось — это читатель уже мог увидеть, просмотрев оглавление. На уровне *раздела* (XI) остались изложенными одни только **обязательственные права**, поделенные на *шесть глав* (одна по общим положениям и пять других — по видам обязательств). При характерной для них степени детализации научной разработки и нормативной регламентации в этом нет, конечно, чего-то удивительного или нелогичного. А вот *разработку материала по четырем другим видам относительных гражданско-правовых форм* — восстановительным, гарантийным, секундарным и корпоративным — *пришлось остановить на уровне четырех глав*, объединенных в один (единый)

1 См.: Белов В. А. Гражданское право: Общая часть. Т. I. Введение в Гражданское право: учебник. М. : Юрайт, 2011; *Он же*. Гражданское право: Общая часть. Т. II. Лица. Блага. Факты. М. : Юрайт, 2011; *Он же*. Гражданское право: Особенная часть. Т. III. Абсолютные гражданско-правовые формы. М. : Юрайт, 2011.

раздел (XII), со вполне, кстати сказать, «римским» названием — **«Относительные правовые формы, не являющиеся обязательствами»**, иначе — «иные относительные правовые формы». Ну чем не римские квази-контракты или квази-деликты — настоящие юридические помойки*, куда сваливались все те конструкции, которые никак не хотели влезать в прокрустово ложе договоров и деликтов? Нечто подобное получилось и у нас: заключительный раздел теоретической части Учебника составили четыре типа относительных правовых форм, имеющих между собой гораздо более различий, чем общих черт.

*см. п. 639.1

Помимо того, что рубрики, прежде намеченные как разделы, в итоге оказались сведены до уровня глав, изменилось и самое расположение этих глав: заключительной оказалась глава по правам *корпоративным* (а не *секундарным*, как вначале планировалось). Объяснение этому следующее: как *секундарные*, так и так называемые *корпоративные права* представляют собой возможности (или, лучше сказать, способности) к совершению *юридических* действий. Этим они отличаются от прав *субъективных*, т.е. от возможностей, оформляющих действия *фактические*, — прав восстановительных и прав ожидания. В то же время права *секундарные* по степени конкретизации собственного объекта и содержания стоят *гораздо ближе* к субъективным правам, чем права корпоративные, все-таки более примыкающие — опять-таки с точки зрения своей определенности — к *правоспособности*, да, строго говоря, именно ее собой и представляющим.

Претерпела некоторые изменения и намечавшаяся ранее поглавная разбивка материала обязательственного права: (1) обязательства по производству работ и оказанию услуг оказались объединены в одну (39-ю) главу (а не разнесены по двум разным главам, как планировалось в п. 46); (2) выделались в самостоятельную главу (40-ю) обязательства транспортировки и хранения; (3) растаяли без следа намеченные было организационные обязательства. Почему?

Первые два изменения имеют одно единое объяснение: сравнение правового режима обязательств по производству работ и оказанию услуг привело нас к выводу о том, что перед нами *единая группа обязательств* — обязательств, предназначенных к удовлетворению интереса кредитора фактическим действием должника. Нашлись только два фактических действия, обязательства по совершению коих выбивались из этого единства, — *перевозка* и *хранение*. Было решено не нарушать объективно существующих отношений сходства и дифференциации, а, напротив, закрепить их на структурном уровне.

Что же касается обязательств организационных, то таковых нам просто... не удалось обнаружить. Действия по организации всегда имеют какую-то цель, лежащую вне их самих, они всегда направлены на нечто внешнее, на организацию совершения *какого-то другого действия или деятельности*, например (ст. 798, 799 ГК), перевозки, погрузки, разгрузки, перевалки, завоза, вывоза, сопровождения или иной обработки грузов. А это значит, что определяя в договоре, кто из его участников какие *организационные* действия должен совершить, мы лишь специальным образом решаем вопрос о том, *чьим иждивением исполняются классические обязательства — обязательства по совершению «организуемых» действий* (перевозки, хранения, погрузочно-разгрузочных работ и т.д.), но не создаем новых.

Обязательства как центр тяжести всех относительных гражданско-правовых форм. На наш — субъективный, разумеется — вкус и взгляд, настоящий том предлагает вниманию читателя *самую увлекательную* и в то же время — уже со всех мыслимых точек зрения — *важнейшую* часть гражданского права — *право обязательственное*. Почему важнейшую? Несколько слов по этому вопросу, которые мы считаем нужным сказать, хотя и отвлекут читателя, но в то же время разъяснят еще и первую часть нашего тезиса — об увлекательности изучения данного раздела цивилистики.

Подобно тому как не будет ровно никакой натяжки в утверждении, согласно которому вся современная теория гражданского права и гражданского правоотношения (а в пределе — общая теория права и правоотношения тоже) выросла *на почве обязательств и из теории обязательств*², *точно так же не будет ровно никакого преувеличения в трактовке обязательственного права как средоточия, если угодно — квинтэссенции основных принципов гражданского права*. В обязательственном праве, как ни в каком ином подразделении цивилистики, мы можем наблюдать практическое воплощение принципов свободы, равенства и неприкосновенности частноправовой сферы во всей их, что называется, красе. Будучи участниками именно *обязательств*, субъекты гражданского права в полной мере оправдывают свое сравнение с множеством маленьких центров автономного правового регулирования отношений с собственным участием — носителей собственной воли и собственной инициативы в деле регулирования взаимных отношений между собой³. Внешними формами — источниками правил, при помощи которых осуществляется такое регулирование — являются *сделки*, в первую очередь — *договоры** — акты, порождающие, как минимум, *подавляющее большинство*⁴ *всех реально существующих обязательств*.

*См. п. 18, 96, 533, 536, 563

Гони природу в дверь — она влетит в окно. Весьма существенно ограничен степень свободы усмотрения частных лиц в деле регламентации ряда относительных правоотношений, в том числе восстановительных, корпоративных, гарантийных, вторичных, законодатель *не смог воспрепятствовать сохранению тенденции их традиционного сведения к правоотношениям обязательственным*. отождествление понятий об *относительных* и *обязательственных* правах, выражающееся в сведении первого к последнему, является отличительным качеством не только отечественной, но и зарубежной литературы гражданского

2 Лучшим доказательством этого тезиса служит монография М. М. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву» (М., 1940) — работа, уже неоднократно упоминавшаяся нами в предыдущих частях Учебника при рассмотрении самых различных вопросов — о понятии права и правоотношения, абсолютных и относительных правах, понятиях субъекта и объекта права, вторичных правах, охранительных гражданских правоотношениях, правопреемстве, юридических фактах, актах и поступках, значении и гражданско-правовой роли плановых актов и др.

3 Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 39.

4 А с нашей точки зрения (как станет ясно читателю позже) — так и вовсе *все вообще* обязательства. Так называемые обязательства из причинения вреда (деликтные обязательства), из неосновательного обогащения (кондикционные обязательства), а также правоотношения по компенсации в действительности обязательствами (в строгом смысле слова) не являются.

права. Нет сомнений, конечно, в том, что известную роль в этом играет *консерватизм юридического мышления*: подобно тому как и по сию еще пору некоторые ученые пытаются разглядеть за исключительными правами право собственности на результаты интеллектуальной деятельности, за элементами правоспособности — право собственности на права, а за правами личными — право собственности на нематериальные блага, точно так же за относительными правами различных типов привычно видеть именно обязательства. Но, думается, что консерватизм мышления — не единственная причина описанного положения вещей. *Наиболее высокая степень свободы и диспозитивности обязательственного права* — вот вторая (и главная, как нам кажется) причина нахождения обязательственных прав на том ключевом, центральном месте среди других относительных прав, которое занимает ими хотя и со вполне исторических, но все же уже весьма отдаленных от нас времен⁵. Впрочем, нельзя не признать, что большинство авторов, сводящих все относительные права к обязательственным, делают это не задумываясь, по привычке, потому что «так принято» и т.п., т.е. не рефлектируют те причины, которые действительно заставляют их так поступать.

Последствия печальны. Обязательство не просто утратило свой изначальный — строго научный юридический — смысл; оно, по сути, *перестало быть понятием*. Его границы, сперва (из-за преобладания комментаторского жанра над подлинно научным изучением права) размывшиеся сами собой, а впоследствии стиравшиеся сознательно, к сегодняшнему дню стали уже столь неопределенными, что стало и вправду весьма сложно сказать, где же *обязательство* в строгом смысле слова, а где *другие относительные* (и в этом смысле и вправду на него похожие) *правоотношения*. На таком фоне стало почти невозможным отличать одни обязательства от других, что привело к появлению концепции «одна жизненная ситуация (со всеми ее мыслимыми особенностями и фантастическими выкрутасами) — одно обязательство (с теми же самыми сложностями и спецификой)». Это окончательно уничтожило понятие об обязательстве как *относительной юридической связи*, состоя-

5 А именно — с тех самых времен, когда обязательства отпочковались от права собственности кредитора на должника. Если мерить «римской» меркой, то обязательства в их современном виде мы находим уже в Институциях Гая — памятнике, относящемся, как известно, ко II в. н.э. В то же время и сегодня нельзя утверждать, что обязательство вполне потеряло свои черты, присущие ему как праву абсолютного господства кредитора над личностью должника, поскольку совершение действий немислимо без *подчинения личности* того, кто его совершает — обязанного субъекта — власти лица управомоченного. Власть эта, однако, как будет показано ниже (см. § 4 гл. 36), имеет в своей основе *свободную волю частного лица*, но не публичную власть (что и отличает ее от абсолютных прав).
Иначе — в другом, более раннем памятнике — Законах XII таблиц, датированном 451—450 гг. до н.э.: ст. 2—6 таблицы III позволяли кредитору (по прошествии соответствующих сроков) «наложить руку» на неисправного должника, подвергнуть его принудительному приводу в суд, наложить на него «...колодки или оковы весом не менее, а, если пожелает, то и более 15 фунтов», предать его смертной казни или продать «...за границу, за Тибр», либо, наконец, «...разрубить должника на части» (цит. по изданию: **Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана**. М., 1997). Впрочем, и здесь «право собственности» кредитора на должника *уже далеко не абсолютно* ни по содержанию (Законы детально расписывают, что именно может сделать кредитор с должником, в какой последовательности и при каких условиях), ни по происхождению (см., опять-таки, § 4 настоящей главы).

щей из *требования кредитора* и корреспондирующей ему *обязанности должника*, приведя не только практиков, но и ученых к его отождествлению с совсем уж непохожим — хотя и тесно связанным с ним — понятием *договора**! Обязательство как категория юридической науки пало заложником последовательного воплощения в жизнь тех самых начал-принципов, на которых оно само же и было выстроено. *Восстановить истинный смысл понятия обязательства и правильно позиционировать его в системе относительных гражданских правоотношений* — можно ли требовать от науки постановки более интересной задачи?!

*см. п. 565

Надеемся, что такое — быть может, несколько эмоциональное — содержательное вступление освободит нас от необходимости разъяснять выше выдвинутый тезис об увлекательности изучения относительных гражданских прав и позволит вернуться к более спокойным — техническим — вопросам.

Литературные указания. Количество публикаций, посвященных проблематике обязательственного права, охранительным гражданским и корпоративным отношениям, является воистину необъятным. По этой причине мы были вынуждены (впервые при подготовке настоящего Курса) *сознательно отступить от поставленного было самим себе же принципа максимальной полноты литературных указаний*. Если бы мы продолжали его придерживаться, то места для изложения основного материала в книге попросту бы не осталось. Несмотря на это самоограничение, литературные указания к гл. 37 (обязательства передачи вещи) и 42 (гражданские охранительные правоотношения) все равно оказались настолько объемными, что их также пришлось структурировать и вынести получившиеся таким образом внутренние подзаголовки в общее оглавление работы.

Хуже и обиднее всего то, что, проделав титанический труд по тематической «сортировке» литературных источников, мы так и не смогли вполне расположить их в соответствии с нашей тематической структурой, не соответствующей сложившейся в юриспруденции такой «традиции» подготовки научных исследований, как *объединение в их рамках принципиально разнородных предметов изучения*. Подобные — относящиеся к разным темам — работы мы указывали только применительно к одной из тем, к той, с которой она наиболее тесно связана. Чтобы читатель не забыл обратиться к тем ее частям, которые относятся к другим темам, в литературных указаниях по ним мы помещали обратные отсылки — см., дескать, еще и источники, приуроченные к главе такой-то.

Вот один пример: мы беремся утверждать, что нет *ни одной* публикации, посвященной договору купли-продажи, содержание которой вполне соответствовало бы заявленной теме. Почему? Во-первых, потому, что (из-за уже отмечавшегося смешения понятий «договор» и «обязательство») в таких работах наряду с вопросами, относящимися к собственно *договору* купли-продажи как таковому, повсеместно разбираются еще и *обязательства*, из такого договора возникающие, а в большинстве случаев (и это во-вторых) — еще и вопросы из области *динамики правоотношений собственности*. Но это еще полбеды! — главная беда начинается дальше, когда следом за вещными и обязательственными — регулятивными — правоотношениями вдруг всплывает тема *гражданско-право-*

вой ответственности по договору купли-продажи — т.е. вопрос, в лучшем случае, об обязательствах совершенно иного рода (охранительных обязательствах), а строго говоря — уж и совсем не об обязательствах, а об особого рода восстановительных правоотношениях. Обычно это делается под флагом «комплексности» и «практической направленности» научного исследования: юриспруденция, дескать, «наука прикладная», а какая же польза юристу-практику, имеющему дело с той же куплей-продажей, от ее изучения в «чистом» виде, т.е. вне связи с ответственностью за нарушение договора? Это соображение, само по себе, возможно, и верное, порождает вопрос, не имеющий ответа: к какой же, спрашивается, главе Учебника, четко разделяющего «договор», «право собственности», «обязательство» и «ответственность» как *четыре различных юридических явления*, следует приурочивать работы, авторы которых сваливают эти явления (иногда основательно, но чаще — бездумно) в одну кучу?!

Другие элементы оформления. В остальном настоящий — второй том Особенной части и четвертый общим счетом — нашего Учебника гражданского права оформлен в соответствии с принципами, уже знакомыми читателю по предыдущим книгам. Именно: (а) *перекрестные ссылки* на предыдущие и последующие пункты Учебника имеют вид *выносок на поля*, т.е. такой же, какой им придан во втором и третьем, а также в перепечатке первого тома Учебника; (б) *ссылки на источники официальных публикаций нормативных актов* за их ненужностью в условиях, когда каждый читатель располагает возможностью получить справку о таковых в любой электронной базе данных по российскому законодательству, *не приводятся*; (в) о том, каким предстает российское Гражданское право в *материалах судебной и арбитражной практики*, читатель сможет судить по специально подготовленному для этой цели Комментарию практики применения первых трех частей ГК. Двухтомное обновленное издание общим объемом более 2800 страниц под нашей редакцией (М. : Юрайт, 2011) и следует считать тем «практическим элементом», которого мы нарочно избегаем в нашем Учебнике.

Новый Гражданский кодекс? 27 апреля 2012 г. Государственной Думой Федерального собрания РФ был принят в первом чтении проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный законопроект получил чрезвычайно широкий общественный резонанс едва ли не в момент своего появления (во всяком случае, задолго до своего внесения в Государственную Думу) благодаря тому, что запланированные им изменения чрезвычайно многочисленны, а в ряде вопросов и весьма фундаментальны; с легкой руки отечественных репортеров стали поговаривать едва ли не о принятии нового Гражданского кодекса РФ. И хотя это, разумеется, не так, хотя речь идет лишь о том, чтобы поправить (пусть и весьма существенно) действующий Кодекс, естественен читательский вопрос: а как же проектируемые изме-

нения соотносятся с текстом выпускаемого четвертого тома Учебника? Не получится ли так, что он устареет немедленно по выходе в свет, ибо радикально разойдется по своему содержанию с «обновленным» Кодексом? Ответственно заверяем читателей: этого не будет, не волнуйтесь. И не надейтесь.

Еще задолго до выпуска первого тома нашего Учебника мы в своих различных публикациях неоднократно указывали на то, что русским эквивалентом латинского слова «юриспруденция» является слово «*правоведение*». Именно *правоведение*, а не *законоведение*. Ориентироваться на законодателя — штука вообще неблагодарная, а на нашего российского законодателя — тем более; прекрасно это понимая, мы всегда старались все свои работы писать не «под закон», а под существо дела. А существо это не изменяется от того, что то или иное положение будет записано в иной статье закона или по какой-то причине законодательного закрепления вовсе не найдет. И вот результат применения такого подхода: те *вопросы, которые освещаются четвертым томом Учебника, законопроект о внесении изменений и дополнений в ГК РФ* (со всем его объемом и радикализмом) *почти не затрагиваются*. Так произошло именно потому, что Учебник писался *под существо дела*, а не под закон: четвертый том Учебника (как, впрочем, и все другие тома тоже) освещают *только те законодательные вопросы, которые решались и будут решаться единообразно во все времена и у всех народов*, независимо от того, какой именно там действует Кодекс или гражданский Закон. Если бы мы делали иначе, то мы только тем бы и занимались, что переверстывали макеты под очередные законодательные новации.

Далее. Еще раз напомним, что «юридические конструкции законодателя для ученого не обязательны» (М. М. Агарков). Это вполне естественно, ибо задача законодателя не в том, чтобы создавать юридические институты и конструкции (этим должны заниматься как раз ученые), а в том, чтобы регламентировать жизненные отношения. Но ведь регламентировать их можно по-разному: можно творить нормы «с чистого листа» (тем самым заставляя доморощенных ученых-юристов проделывать заново всю научную работу по толкованию законодательных норм и их систематизации с последующим сведением в институты и конструкции), а можно обратиться к навыкам и наработкам предшественников (например, римлян) или современников-соседей (например, «немцев», «англичан» или «американцев»). Исторический опыт показывает, что *заимствование уже готовых институтов и конструкций* — тех, что уже сформулированы учеными на материалах иных законодательств, — это (увви!) тот максимум, на который хватает фантазии нашего законодателя, в чем, между прочим, не устают признаваться ни сами законодатели, ни судьи, ни ученые. «Если мы не находим ответа на вопрос в законе, то берем с полки книгу. И книга эта чаще всего немецкая» — так или примерно так недавно высказался один из сотрудников Высшего Арбитражного суда РФ. Безо всякого стеснения. Так что не нужно удивляться тому, что по ознакомлении с Законопроектом выясняется, что его многочисленные и радикальные «новации» на самом деле имеют, говоря в терминах патентного права, только относительную новизну. Большинство из того, что попало в Законопроект (и, возможно, в скором времени

попадет в Кодекс), на самом деле давно прекрасно известно законодательствам зарубежных стран, а также гражданско-правовой науке. Многие из вопросов, разрешенных в ГК *впервые*, в Учебнике *уже разобраны*. Вот иллюстрация тому.

Наиболее существенно проектируемые изменения в ГК затрагивают только две темы настоящего тома: (1) общие положения об обязательствах и (2) денежные обязательства. Такое «затрагивание» заключается, главным образом, в *дополнении ГК РФ положениями, которых прежде в нем не было*; радикального *изменения существующих норм* — такого, что сделало бы изложение Учебника *неверным*, — в Законопроекте нет. А что касается пресловутых дополнений (о сфере применения общих положений об обязательствах, о понятиях и особенностях исполнения альтернативных и факультативных обязательствах, о презумпции процентного характера денежного обязательства, о независимой гарантии, об уступке требований и переводе долгов, возмещении убытков, законных процентов, отступного, новации, зачета, займа кредита, факторинга, банковского вклада, счета и расчетов, в том числе расчетов банковскими картами), то тот факт, что их раньше не было *в Гражданском кодексе РФ*, не означает, что о них прежде *вообще никто не знал*. Напротив: все прекрасно знали, но в свое время то ли не сумели, то ли не посчитали нужным вносить в Кодекс. Теперь ситуация иная: то ли возможность представилась, то ли позиция изменилась. Вот в результате и оказывается, что большинство из того, что теперь преподносится как дополнение к Кодексу, в Учебнике *уже освещено*, другое дело, что не как *законоположения*, а как *тезисы теории (доктрины) гражданского права*, положения иностранного законодательства, а быть может, и ныне действующих российских нормативных актов — только иных, чем ГК.

Есть ли в Законопроекте что-нибудь, что в новой редакции Кодекса окажется, но останется без освещения в Учебнике? Не станем лукавить: да, такие вопросы найдутся, но тут есть несколько «но». Прежде всего, таких вопросов будет *немного*. Затем большинство из них имеют, *скорее, надуманный, чем реально востребованный практикой характер*. Что это за вопросы? Главным образом, экзотика, внесенная в Кодекс рабочей группой по созданию в Москве Международного финансового центра в качестве «отчета» перед Западом, — институты обеспечительного платежа и некоторых специфических видов счетов, типа, например, счета эскроу. Далее, нужно еще разобраться, что именно из этой экзотики и в каком именно месте Учебника следует освещать: далеко не факт, что все новации должны быть разобраны именно в его четвертом томе. И, наконец, на самом деле совершенно не обязательно, чтобы Учебник освещал *все, что есть в законодательстве*, — тогда надо будет писать не Учебник, а частную кодификацию гражданских законов. К этой категории относятся изменения, относящиеся к регламентации выполнения НИР и ОКР для государственных нужд: можно, конечно, в срочном порядке «святая» новый параграф, но нужно ли? Изучающему *науку* гражданского права важно разобрать проблему на принципиальном, абстрактно общем, словом, научном уровне — ему важно понимать, от чего зависит регламентация соответствующих отношений. Детализация регулирования нужна для практики, а не для науки; стало быть, место этим вопросам, в лучшем случае, в практической части Курса. А вообще гово-

ря, нужно помнить, что изучение *науки права* — это не то же самое, что изучение *закона*. Да, конечно, вот уже лет сто, как нас приучают к иному, сперва составляя «учебники» посредством простого воспроизведения в них законодательных текстов, а потом зачитывая эти «учебники» с кафедр — но сколько же можно?!

Резюмировать сказанное можно так: уважаемые читатели, не переживайте! Занимайтесь гражданским *правом* по нашему Учебнику. От жизни вы совершенно точно не отстанете, равно как и ошибочных представлений о гражданском *праве* не приобретете. Представление же об актуальном гражданском *законодательстве* — которое получить тоже необходимо — должно приобретаться вами путем ознакомления не с Учебником гражданского права, а... с самим этим *гражданским законодательством*.

Что будет дальше? Читатели, оказавшие нам честь своим знакомством с предыдущими частями настоящего Учебника, по мере медленного, но верного продвижения работы над его теоретической частью к финалу, все чаще стали задавать вопрос: *будет ли написана запланированная еще в первом томе* и подтвержденная позднее* (см. Т. 2. С. 17 и Т. 3. С. 15—16) *Практическая (Специальная) часть* Курса? Да. Во всяком случае пока от планов ее подготовки мы не отказались; больше того, некоторые жизненные обстоятельства⁶ только укрепили меня в этом намерении. Другой вопрос: *когда* это будет сделано? Почему он возникает? По двум причинам. Во-первых, потому, что работа над Учебником, продолжавшаяся почти без перерыва в течение последних трех с половиной лет, меня порядком утомила. Хотелось бы хоть немного отдохнуть и сделать, наконец, ряд дел, доселе откладывавшихся в неопределенно долгий ящик. А во-вторых... Не стану мистифицировать читателя, но увы! — у меня до сих пор нет даже самого приблизительного представления о том, какой она должна быть — эта самая Специальная (Практическая) часть. Подменять том *учебного Курса* каким-нибудь комментарием судебной практики, сборником образцов гражданско-правовых документов или (того хуже) полухудожественной антологией «казусов» либо советов «бывалого» специалиста молодым коллегам на тему организации деятельности юридической службы, ведения договорной работы и т.д., т.е. книгой *принципиально иного жанра и назначения*, мне кажется неправильным. Том учебного курса должен оставаться пособием *учебного назначения*, другое дело, что задачей его должно быть не *обучение науке* гражданского права, а *доставление навыка практического использования (применения) научных знаний* (т.е. материала теоретической части Курса), *нормативных актов и актов судебной (арбитражной) практики*.

*см. п. 47

Таким образом, чтобы подготовить пресловутую Практическую часть, нужно сперва точно определиться с тем, *какими именно навыками* в той или иной области практической деятельности — консалтинге,

6 Читатели, которые не знают о том, что это за обстоятельства, смогут установить это сами, сравнив нашу биографическую справку, размещенную на тыльной стороне твердого переплета томов «серого цвета» (2012 г. издания), с аналогичными сведениями, размещенными на задних сторонах обложек «черных» томов (2011 г.).

организации бизнеса, договорной, претензионно-исковой, а также научной работе — *должен располагать юрист*; затем — понять, *как именно вырабатываются* эти навыки теперь и *что еще могло бы способствовать* их наиболее эффективной выработке и усвоению, после чего, наконец, *подобрать форму изложения* того материала, который составит ответы на первые два вопроса. Всем этим нужно серьезно и предметно заниматься, причем пока не очень понятно, сколько времени такие занятия отнимут и к какому результату приведут. Все, что я могу в настоящий момент, это пообещать читателям, что соответствующие усилия я предприму, и еще раз попросить их набраться терпения.

Благодарность. Завершая это предисловие, я еще раз свидетельствую свое глубокое почтение и кланяюсь моим рецензентам — доктору юридических наук, профессору Вадиму Аркадьевичу Хохлову, доктору юридических наук, профессору, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации Владимиру Павловичу Камышанскому, кандидату юридических наук, доценту Юрию Леонидовичу Марееву, кандидатам юридических наук Роману Сергеевичу Бевзенко и Юрию Александровичу Тарасенко.

О том, что в числе рецензентов этого тома я уже не могу назвать безвременно ушедшего Николая Михайловича Коршунова — доктора юридических наук, профессора, умнейшего и интересного человека, — мне остается только сожалеть. Светлая Вам память — дар высокой скорби и безмерного уважения, — дорогой Николай Михайлович!

*В. А. Белов,
доктор юридических наук,
профессор кафедры коммерческого права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Обязательственные правоотношения

Раздел XI

ГЛАВА 36
ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

ГЛАВА 37
ПЕРЕДАЧА ВЕЩИ

ГЛАВА 38
УПЛАТА ДЕНЕГ

ГЛАВА 39
ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ И ОКАЗАНИЕ УСЛУГ

ГЛАВА 40
ТРАНСПОРТИРОВКА И ХРАНЕНИЕ

ГЛАВА 41
ВЕДЕНИЕ ЧУЖИХ ДЕЛ

ГЛАВА 36

Общее учение об обязательствах

Основная литература

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940; То же, в издании: «Избранные труды по гражданскому праву» (Т. I. М., 2002. С. 163–460); *Анненков К. Н.* Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. СПб., 1898/1901; *Барон Ю.* Система римского гражданского права : пер. с нем. 3-е изд. Вып. 3. Кн. IV. Обязательственное право. СПб., 1910; *Брагинский М. И.* К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика : сб. статей. М., 1998. С. 113–130; *Он же.* Вещные и обязательственные правоотношения // Право собственности: Актуальные проблемы. М., 2008. С. 166–197; *Виндшейд Б.* Об обязательствах по римскому праву : пер. с нем. / под ред. и с примечаниями А. Б. Думашевского. СПб., 1875; *Власова А. В.* К дискуссии о вещных и обязательственных правах // Правоведение. 2000. № 2. С. 146–151; *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств. М., 1948; *Голевинский В. И.* О происхождении и делении обязательств. Варшава, 1872; *Гонгало Б. М.* Учение об обеспечении обязательств: Вопросы теории и практики. М., 2002; **Гражданское право:** Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 647–710, 711–758; *Гусаков А. Г.* Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. М., 1896 (рецензию см.: Журнал Министерства народного просвещения. 1896. № 8. Отдел II. С. 370 – 396); *Дернбург Г.* Пандекты. Т. 2. Обязательственное право : пер. с нем. / под рук.-вом и ред. П. Соколовского. 3-е изд. М., 1911; *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 3–25, 59–200; То же, в издании: «Избранные труды». (Т. III. СПб., 2004. С. 51–74, 106–240); *Кривцов А. С.* Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. Юрьев, 1898; То

же: Переиздание. М., 2003; *Новицкий И. Б.* Обязательственное право: Общие положения. М., 1925; *Он же.* Очерки гражданского права: материалы к курсу лекций: Пособие для слушателей автора. Т. 2. Обязательственное право: Общие понятия. М., 1921; *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950; гл. I–V см. также в издании: «Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву» (Т. II. М., 2006. С. 7–316) (рецензию см.: Советское государство и право. 1951. № 11. С. 77–80; Ученые записки Саратовского юридического института. Вып. IV. Саратов, 1956. С. 181–200); *Охочимский В. Н.* Основные моменты исполнения по обязательствам. Саратов, 1929; То же, в издании: «Ученые записки Саратовского государственного университета. Факультет права и хозяйства» (Т. 15. Вып. 1. Саратов, 1929. С. 77–101); *Пассек Е. В.* Неимущественный интерес в обязательстве. Юрьев, 1893; *Планиоль М.* Курс французского гражданского права: пер. с фр. В. Ю. Гартмана. Т. II. Ч. I. Теория об обязательствах. Вып. 1–3. Ч. II. Договоры. Вып. 4–6. Петроков, 1911; *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 236–244, 245–275; *Попондопуло В. Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1985; **Практика применения общих положений об обязательствах**: сб. статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2011 (все статьи); *Райхер В. К.* Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав) // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. Вып. I (XXV). Л., 1928. С. 273–306; Полный вариант статьи – см. также в издании: «Вестник гражданского права» (2007. № 2. С. 144–204); *Саватье Р.* Теория обязательств: Юридический и экономический очерк. М., 1972; *Савиньи Ф.-К.* Обязательственное право. М., 1876; То же: Переиздание. СПб., 2004 (рецензию см.: Журнал гражданского и уголовного права. 1876. Кн. 1. С. 281–284); *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л., 1983; *Танчук И. А., Ефимочкин В. П., Абова Т. Е.* Хозяйственные обязательства. М., 1970 (рецензию см.: Советское государство и право. 1971. № 7. С. 146–147; Советская юстиция. 1971. № 23. С. 28); *Толстой В. С.* Исполнение обязательств. М., 1973 (рецензию см.: Советское государство и право. 1974. № 9. С. 147–149; Социалистическая законность. 1975. № 4. С. 93); *Он же.* Понятие обязательства по советскому гражданскому праву // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. XIX. М., 1971. С. 102–121; *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951; *Хвостов В. М.* Натуральные обязательства по римскому праву. М., 1898; *Цитович П. П.* Обязательства: Конспект лекций по русскому гражданскому праву. Киев, 1894; *Чирихин И.* Солидарность в обязательствах. Казань, 1888; *Юртаева-Ривель М. А.* Изменение обязательств по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975.

§ 1. Понятие и содержание обязательств (п. 938—944)

938. Определение обязательства. *Обязательством (обязательственным правоотношением) называется относительное гражданское правоотношение, в содержание которого входит субъективное право одного — управомоченного — субъекта, называемого кредитором, требовать совершения определенного действия от другого — обязанного — субъекта, именуемого должником.*

Вся современная российская научная и учебная литература базируется на определении обязательства, сформулированном в 1940 г. М. М. Агарковым⁷ путем «некоторого уточнения» текста ст. 107 современного ему ГК РСФСР 1922 г.⁸ и расстановки в нем «теоретически существенных ударений», как «...гражданского правоотношения, в силу которого одно лицо (или несколько лиц) имеет право требовать от другого лица или нескольких других лиц совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия»⁹. В принципе это определение обязательства можно считать классическим, на сегодня общепризнанным научной общественностью. Сравнив с ним *нормативное* определение обязательства, содержащееся в п. 1 ст. 307 ГК, мы без труда установим, что определения эти различаются несколькими следующими моментами:

1) в определении М. М. Агаркова наличествует родовая квалификация обязательства как *гражданского правоотношения*, в то время как в ГК она заменена расплывчатым выражением «в силу обязательства...». Выражение это наводит на мысль о том, что обязательство — это все же не само гражданское правоотношение, а то, *в силу чего* оно (это самое правоотношение, состоящее из обязанности должника и требования кредитора) возникает и существует, т.е. *юридический факт* — мысль, неправильность которой может соперничать разве только с тем вредом, который она приносит цивилистической науке;

2) дефиниция проф. Агаркова отталкивается «от кредитора», т.е. *через характеристику субъективного права*, составляющего содержа-

7 О более ранних отечественных определениях обязательства см. нашу статью в сборнике «Гражданско-правовые обязательства: Вопросы теории и практики» (отв. ред. А. С. Шевченко. Владивосток, 2001. С. 3—15).

8 «В силу обязательства одно лицо (кредитор) имеет право требовать от другого (должника) определенного действия, в частности передачи вещей или уплаты денег, либо воздержания от действия».

Ср. с определением, воплощенным в ст. 33 Основ гражданского законодательства 1961 г., ст. 158 ГК РСФСР 1964 г., п. 1 ст. 57 Основ гражданского законодательства 1991 г. и, наконец, в п. 1 ст. 307 действующего ГК: «В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

9 Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 13 (выделено автором. — В. Б.). Аналогично, но без упоминания об обязательствах, заключающихся в воздержании от действия, см.: Новицкий И. Б., Луиц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 50.

ние обязательственного правоотношения, а соответствующая ей дефиниция ГК — напротив, строится *«от должника»*, т.е. оно дано *через описание обязанности* как меры юридически необходимого поведения, обеспечивающей требование кредитора¹⁰;

3) М. М. Агарков упоминает о возможности выступления на каждой стороне обязательства как *одного*, так и *нескольких* лиц, а в определении современного ГК такого упоминания нет, что не имеет, в общем, никаких отрицательных последствий, ибо последующие нормы ГК не оставляют сомнений в том, что ими признается существование обязательств с множественностью лиц;

4) в цитированном определении ученого отсутствуют *наименования сторон* обязательства *кредитором* и *должником*¹¹, *имеющиеся в определении ГК (что говорит, несомненно, в пользу последнего)*;

5) *согласно проф. Агаркову предметом совершения*¹² *может быть «определенное действие»*, а воздержания от совершения — *«какое-либо действие»*, в то время как современный ГК¹³ в обоих случаях говорит об *определенном действии*¹⁴; наконец

6) в определении М. М. Агаркова *нет ни одного примера* тех действий, совершение которых может составлять содержание обязательства, а вот в определении ГК примерный перечень таких действий, к совершению которых может быть обязан должник и совершения которых может требовать кредитор, напротив, *наличествует* («...передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п.»¹⁵), что, совершенно очевидно, объясняется некоторой спецификой тех задач, которые призвано выполнить каждое определение¹⁶.

10 На с. 14 указанной монографии проф. Агарков поясняет, что данное им (прокредиторское) определение, будучи гораздо более кратким, чем то, которое дается через обязанность должника, «...по существу содержит указание как на активную, так и на пассивную стороны обязательства», поскольку «...праву требования кредитора неизбежно соответствует обязанность должника». Сказав о *субъективном праве* требования, мы, следовательно, тем самым сказали и об обеспечивающей его обязанности; сказав же прежде об одной только обязанности, мы тем самым еще ничего не сказали о том, обеспечивает ли она какое-либо *реально существующее* право или рассчитана только на его будущее возникновение*.

*см. п. 174

11 Обращает на себя внимание *полиязычное* — латинско-русское — *происхождение* данных названий: «кредитор» — слово латинское, «должник» — русское. По логике вещей пара наименований сторон должна была бы иметь *моноязычный* — т.е. либо латинский («кредитор» — «дебитор»), либо русский («веритель» — «должник») *вид*.

12 Обратим внимание еще и на то, что в определениях М. М. Агаркова и современного ГК говорится о том, что предметом требования может быть *совершение* действия или воздержание от *совершения* действия, в то время как в ГК РСФСР 1922 г. речь шла о *самом действии*, а не о его *совершении*. Думается, что различие это чисто терминологическое; в дальнейшем его можно игнорировать.

13 ГК РСФСР 1922 г. также не упоминал об *определенности* действия, составляющего существо воздержания.

**см. п. 940 и 941

14 О значении этого — на первый взгляд, несущественного — расхождения будет сказано ниже**.

15 В проектируемой редакции п. 1 ст. 307 ГК (текст проекта имеется на сайте Высшего Арбитражного Суда РФ) этот перечень предлагается расширить; если проект станет законом, то он примет следующий вид: «...как-то: передать имущество, выполнить работу, *оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность*, уплатить деньги и т.п.» О значении этого перечня — см. ниже***.

***см. п. 942

16 См. об этом: *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 7—8.

Чем похоже на рассмотренные дефиниции и чем отличается от них определение, предложенное нами?

Во-первых, преследуя в первую очередь учебно-методические цели, оно подчеркивает тождество *понятий, обозначаемых терминами «обязательство» и «обязательственное правоотношение»*. Предлагаемое нами определение в равной степени относится к обоим этим понятиям. В свете уже неоднократно упомянутого выше (в том числе в Предисловии к настоящему тому) такого явления, как смешение понятий обязательства и договора, сделанный нами акцент — обязательство есть то же самое, что и обязательственное правоотношение, — представляется абсолютно необходимым. Без него может возникнуть впечатление, что обязательственное правоотношение — это не само обязательство, а его следствие (результат), в то время как само обязательство — это основание его возникновения (например, договор) — впечатление, усиливаемое абсолютно неюридическим оборотом «в силу обязательства...», используемым как ГК, так и наукой.

Во-вторых, мы отмечаем в нашем определении еще и то обстоятельство, что обязательство является правоотношением *относительным*. Не просто гражданским, но гражданским *относительным* правоотношением. Соответственно, и обязательственное право в субъективном смысле представляет собой одно из так называемых *относительных прав*, а именно — право на действие (воздержание от действия) *со стороны определенного (конкретного) лица**.

* см. п. 171

В-третьих, наше определение базируется на понятии *субъектов* (участников или сторон) *правоотношения*, но не *лиц*. Это еще одна особенность, существенно отличающая его от прежде рассмотренных дефиниций, в сторону большей точности и краткости. Субъектов в каждом правоотношении всего лишь два — управомоченный и обязанный. Других субъектов правоотношения не бывает. Но данное понятие — понятие субъекта правоотношений — таково, что предполагает возможность представления его как одним, так и несколькими лицами; в нашем случае — конкретными (определенными) лицами.

В-четвертых, определение обязательства должно акцентировать внимание на *индивидуальной определенности (конкретности) того действия*, которое является предметом требования кредитора и обязанности должника. При этом *примерного перечня* таких действий в определение помещать *не нужно*, дабы не создавать иллюзии ограничения круга обязательств только правоотношениями имущественного содержания.

Наконец, в-пятых, в нашем определении не упоминается о существовании обязательств, включающих в себя требование о воздержании от действия. Это не случайно**.

** см. п. 941

В остальном оно соединяет, как нам представляется, достоинства двух рассмотренных определений — того, что дано проф. Агарковым (дается «от кредитора» и не содержит в себе перечня действий, ограничиваясь указанием на необходимость одной только их определенности) и современным ГК (в определение помещены наименования сторон (участников) обязательства).

939. Иные значения слова «обязательство». Термин «обязательство» многозначен. Наряду с обозначением относительного право-

отношения особого содержания он используется также для обозначения (1) *юридической обязанности*, входящей в обязательственное правоотношение; (2) *права требования*, составляющего содержание обязательства как правоотношения; (3) *документа, оформляющего обязательственное право требования*. К ним нужно прибавить (4) повсеместную (как уже указывалось выше) практику употребления слова «обязательство» для обозначения *основания своего возникновения* (в первую очередь — *договора*) и (5) не менее частые случаи наименования обязательствами *всяких вообще относительных гражданских правоотношений*. В то время как три первых случая словоупотребления, альтернативных господствующему, могут быть названы относительно грамотными, два последних варианта с научной юридической точки зрения совершенно неприемлемы и практиковаться не должны.

Использовать слово «обязательство» для обозначения одной только *юридической обязанности*, входящей в обязательственное правоотношение, но не всего этого правоотношения в целом, предполагалось составителями Проекта Гражданского уложения Российской империи. «Обязательство есть законная обязанность одного лица к передаче имущества или к совершению либо несовершению иного действия в пользу другого лица» — постановляла ч. 1 ст. 1567 Проекта в редакции 1905 г. Составители поясняли: «Из разных значений слова “обязательство” наиболее правильным следует признать значение его как синонима *законной обязанности* одного лица к известному действию в пользу другого лица, каковой обязанности соответствует на стороне верителя *право требования*. Согласно с сим и так как цель определения должна состоять лишь в указании на это правильное значение слова, нет надобности указывать в определении на то, что обязательство есть “*отношение*” или “*правоотношение*”, или “*юридическое отношение*”, ибо если обязательство есть законная обязанность одного лица в пользу другого с соответствующим ей правом требования на стороне верителя, то отсюда само собою следует, что оно есть юридическое отношение. Равным образом, нет надобности указывать в определении на то, что обязательство есть *юридическая связь*»¹⁷.

В действующем ГК слово «обязательство» обозначает не все правоотношение в целом, а одну только обязанность в таких, например, часто встречающихся выражениях, как «*исполнение обязательства*» (означающем процесс совершения должником действия, составляющего содержание его обязанности) и «*нарушение обязательства*» (т.е. неисполнение либо ненадлежащее исполнение должником лежащей на нем обязанности). Особый случай представляет собой словосочетание «*денежное обязательство*», используемое для обозначения как *денежного долга* (обязанности уплаты), так и *денежного требования*

17 **Гражданское уложение:** Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии / под ред. И. М. Тютрюмова ; сост. А. Л. Саатчиан. Т. 2. СПб., 1910. С. 173.

(требования уплаты), но не всего правоотношения в целом (понятие денежного правоотношения лишено смысла).

Обязательство обозначает *обязательственное (кредиторское) требование* не только в уже упомянутом выражении «денежное обязательство», но и в иных словосочетаниях, в том числе «обеспечение (исполнения) обязательства» и «приобретение/отчуждение (покупка, дарение и т.д.) обязательства».

Обязательство как *документ* имеют в виду, например, при употреблении фразы типа «подписать долговое обязательство».

940. Содержание обязательства. *Содержанием обязательства* (в соответствии с избранным нами для руководства учением о гражданском правоотношении как правовой форме актуального либо потенциального общественного отношения)* являются субъективное право (требование) и корреспондирующая ему юридическая обязанность (долг) по *совершению определенного действия (facere)*¹⁸. Плюс к этому, как уже было сказано выше, содержание обязательственного правоотношения не всегда исчерпывается одним только требованием и обеспечивающей его обязанностью: зачастую оно не может быть ни понято, ни понятно без изучения *некоторых специфических поведенческих возможностей вспомогательного характера*, непосредственно влияющих на обязательство и, следовательно, содержательно осложняющих его.

* см. п. 206

1) Субъективное гражданское обязательственное право состоит из возможностей (правомочий) его обладателя (кредитора) (1) *требовать* от другого лица (должника) совершения определенного действия (исполнения обязанности), а также (в случае удовлетворения такого требования, полного или частичного) — (2) *получить* (принять) и присвоить (обратить в собственность или иным способом приурочить к себе) результаты исполнения¹⁹. Из-за того, что интерес обладателя субъективного обязательственного права (кредитора) удовлетворяется действием обязанного лица (должника), следует признать, что «центром тяжести» обязательственного права является правомочие требования. По этой причине субъективное право, составляющее содержание обязательственного правоотношения (обязательственное право в субъективном смысле) в литературе обыкновенно именуется *правом требования* или просто *требованием*. Юридическая обязанность, входящая в содержание обязательственного правоотношения, называется *долгом*.

18 Обыкновенно такие — направленные на *совершение* определенного действия — обязательства считают лишь одним из видов обязательств и называют обязательствами с *положительным содержанием* (obligatio facere). Им противопоставляются обязательства по *воздержанию от совершения* определенного действия или обязательства с *отрицательным содержанием* (obligatio non facere et pati)**.

** см. п. 941

19 От обязательственного права в субъективном смысле — субъективного гражданского права кредитора — нужно отличать обязательственное право в смысле совокупности гражданско-правовых норм, регулирующих обязательственные отношения — подотрасли гражданского права (обязательственное право в объективном смысле).

Поскольку ни одно действие не может быть отделено от личности субъекта, его совершающего, нельзя не признать, что обязательство — даже в его современном, т.е. весьма далеко ушедшем от Законов XII таблиц, виде — предоставляет одному лицу некоторую меру *господства* над другим *лицом*. Чтобы принцип свободы договора — основного источника происхождения обязательств — не распространил такого господства в не свойственные для обязательства сферы, а само оно не переродилось бы в правовую форму умаления гражданской правоспособности и установления кредитором *неограниченной личной власти* над должником (превращения должника в состоянии рабской, крепостной или иной личной зависимости от кредитора²⁰), господство это должно иметь *прямо и четко очерченные границы*. Отсюда проистекает и этим объясняется непременно присутствующее

- 20 История являет нам любопытные примеры той совершенно выдающейся роли, которую начало *содержательной определенности обязанностей* (повинностей) играло в различные эпохи и у различных народов. Так, положение лица в древнем английском и уэльском (а отчасти также в ирландском и шотландском) обществах определялось отнюдь не *наличием или отсутствием* возложения на него *личных* (т.е. не связанных с земельным держанием) *повинностей*, как принято считать — на самом деле личные повинности несли *все люди и организации* (от богатых монастырей и знатных лордов до прозябающих в самой ужасной нищете крестьян), за исключением короля — но их *содержанием, характером и источником возникновения*. Так, «...повинности виллана считаются *унизительными по существу и неопределенными по количеству*, повинности же свободного лишены унизительного оттенка и в количественном отношении точно установлены»; «...держатель на оброке, естественно, считался более свободным, чем такой же держатель, обязанный барщиной, ибо... *никто не распоряжался его личностью* и не требовал от него *подчинения известной дисциплине*»; отправное начало рабского состояния «...может быть... даже и подсказано было теоретическим различием между *неопределенной работой раба и точно определенными повинностями свободного человека, которые, даже когда они по существу были унизительны и неприятны, основывались все-таки на свободном соглашении*» (Виноградов П. Г. Средневековое поместье в Англии. СПб., 1911. С. 281, 319, 343; выделено нами. — В. Б.). Существовал, впрочем, род повинностей, исполнение которых свидетельствовало о зависимом состоянии исполняющего их лица просто в силу своей *особенной унизительности*, т.е. несмотря на свою количественную определенность и наличие «свободного соглашения» о таком исполнении — «...работа вилами и цепом, раскладывание навоза, очистка стоков и удаление отбросов», платеж *меркета* (налога за выдачу дочери замуж или налога с продаваемого скота) или выдача *герриота* (лучшей лошади или лучшего быка из состава наследственного имущества), отправление должности старосты (как отнимавшей много времени и предполагавшей необходимость исполнения любых распоряжений манориальной администрации) и регулярная отработка сельскохозяйственной недельной барщины (Там же. С. 340–341, 344) — видимо, предполагалось, что на исполнение таких повинностей не согласится никто и ни за какое вознаграждение, если только он *действительно свободен*.

Думается, не будет слишком смелым предположение о том, что именно такое — проведенное по принципам определенности, унизительности и источника установления повинностей разделение мужского населения на *свободных* и *несвободных* (а вовсе не противопоставление потомственных дворян представителям всех остальных классов) в конечном счете и предопределило широко известное (хотя сегодня и стершееся до чисто символического) различие *джентльменов* и *неджентльменов*. Кстати, если это предположение правильно, то знаменитое двустышие, послужившее образцом для патетической речи, открывшей так называемое восстание Уота Тайлера — «Whanne Adam dalfe and Eva span, who was thanne a gentli man?» — требует любопытного ответа: до тех пор, пока каждый сам, *свободно и определенно* устанавливал для себя род выполняемой работы и не мог быть принужден к выполнению работы *унизительной*, джентльменами были... *все!*

во всяком — доктринальном или законодательном — определении обязательства указание на то, что действие, подлежащее требованию (совершению) согласно содержанию обязательства, должно быть *абсолютно определенным*, либо (в крайнем случае) *определимым*, причем (1) по известным правилам и (2) из исчерпывающего количества возможностей. Такая определенность достигается посредством, (1) во-первых, *всестороннего описания действия, которое требуется совершить*, причем, в зависимости от случая, такое описание может быть *содержательным* (что и как требуется сделать), *формальным* (как должно выглядеть совершаемое действие) или *телеологическим* (к достижению какого результата должно приводить действие), а также (быть может) (2) посредством характеристики *предмета этого действия* — объекта обязательственного права и правоотношения*.

*см. п. 944

Юридическая наука, законодательство и практика традиционно выделяют несколько видов *активных действий*, которые могут составлять содержание обязательственных прав, а именно — такие действия, как (1) передача вещи; (2) уплата определенной денежной суммы; (3) выполнение работы; (4) оказание услуги; (5) предоставление (сообщение) информации; (6) установление, изменение или прекращение определенного правоотношения. При этом никто и никогда, насколько нам это известно, не акцентировал внимания на том, что степень определенности (конкретности) этих действий не может быть одинаково однозначной. А между тем именно в *однозначной определенности действия* существо обязательства и коренится! Чем более точной и всесторонней является *содержательная* характеристика требуемого (должного) действия, тем больше в соответствующем правоотношении *обязательственного* элемента и природы. Его формальное и (тем более) телеологическое описание уже сами по себе означают отступление от чистой обязательственно-правовой конструкции. Требование о передаче индивидуально определенной вещи или известного количества родовых вещей, требование о передаче конкретного субъективного права и, наконец, требование об уплате денег, вне всякого сомнения, *будут требованиями обязательственными*. Требования же о производстве работ, об оказании услуг, о сообщении (предоставлении) информации скорее заслуживают того, чтобы лишь *называться* обязательственными, поскольку их характеристика далеко не всегда бывает содержательной.

Рассмотрим несколько примеров.

Если мы можем описать те *конкретные действия*, которые составляют существо производимых работ (выкопать котлован определенных размеров на известном земельном участке, демонтировать пол или оклеить обоями стены в таком-то помещении, заменить такие-то детали в автомобильном двигателе и т.д.), мы все еще говорим об *обязательстве*. Но если все наше описание ограничивается указанием той *цели*, к достижению которой должны привести работы (построить дом, отремонтировать квартиру, починить неисправный двигатель и т.д.) — перед нами правоотношение, в строгом смысле слова не являющееся обязательственным. Содержание *обязательства* может быть сведено к формуле «делай *вот это*, с соблюдением таких-то формальных требований, с тем чтобы достичь известной цели»; формула же правоотношения, индивидуализированного указанием на его

цель, будет иной: «делай *что угодно* и как угодно — лишь бы достиг известной цели».

Иная ситуация складывается с правоотношениями по оказанию услуг. Положим, мы имеем договор об обучении иностранному языку за плату — при каких условиях установленные им права заказчика будут считаться реализованными, а обязанности исполнителя — надлежаще исполненными? Скорее всего такими условиями будут (1) проведение определенного количества уроков в течение срока действия договора или иного известного времени (скажем, месяца); (2) их проведение в определенном месте и в определенное время; (3) обсуждение на этих уроках определенных разделов программы учебного курса (4) с использованием оговоренных методик и пособий. Все это — чисто формальные вещи, не раскрывающие *содержания* совершаемых действий (что и как преподаватель должен говорить) и не ориентированные на достижение какого-либо *результата* (приобретения учащимся известного уровня овладения языком). Афористическое выражение существа такого правоотношения может быть таким: «все, что ни будет сделано, подойдет, лишь бы оно было совершено определенным образом — а *что именно* это будет и *к какому результату* приведет, значения не имеет». Легко видеть явные его отличия от формулы обязательства в строгом смысле слова.

2) Что же касается **специфических поведенческих возможностей вспомогательного характера**, непосредственно влияющих на обязательство и содержательно осложняющих его, то здесь достаточно будет указать на необходимость различения трех следующих их видов: (1) *межсубъектных*, т.е. связывающих стороны обязательства (такое, например, право выбора предмета исполнения в альтернативном обязательстве); (2) *внутрисубъектных*, т.е. связывающих конкретных лиц-участников одной и той же стороны обязательства (например, правовые формы отношений между солидарными соучастниками на стороне должника или кредитора) и (3) *внешних*, т.е. правовых связей тех, кто участвует в обязательстве, с посторонними (третьими) лицами (например, с третьими лицами, в пользу которых заключен договор, лицами, на которых возложено исполнение, лицами, действия которых стали причиной нарушения известного обязательства и др.). Разновидностью межсубъектных и внешних юридических форм, вспомогательных по отношению к обязательству, являются поведенческие возможности *обеспечительной направленности*.

Поскольку по своей юридической природе все перечисленные возможности друг от друга кардинально отличаются — межсубъектные принадлежат к разряду *субъективных* и *секундарных* прав, внутрисубъектные — *корпоративных*, а внешние — *субъективных обязательствных прав*, то их рассмотрение целесообразно осуществлять при изучении поведенческих возможностей того рода, к которому они принадлежат.

941. Проблема обязательств с отрицательным содержанием. Обязательства с *отрицательным содержанием* называются обязательства, содержанием которых является не совершение действия, а, напротив, *воздержание от совершения такового*, иначе — *бездейст-*